

БИБЛЕЙСКИЕ И ЕВАНГЕЛЬСКИЕ СЮЖЕТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ И. К. АЙВАЗОВСКОГО

Галина Сергеевна Чурак

главный научный сотрудник
Отдела живописи второй половины XIX — начала XX в.
Государственной Третьяковской галереи, заслуженный
работник культуры.
119017, Москва, Лаврушинский пер., 10
ChurakGS@tretyakov.ru

Для цитирования: Чурак Г. С. Библейские и евангельские сюжеты в творчестве И. К. Айвазовского // Вестник церковного искусства и археологии. 2020. 3 (4). С. 000–000. DOI:

Аннотация

УДК

Статья посвящена мало исследованной стороне творчества Айвазовского. Слава Айвазовского-мариниста закрывала не только для простодушного зрителя, но и для исследователей-специалистов многие иные содержательные пласты и смыслы его безмерно большого наследия. Среди многообразия тем и сюжетов, к которым обращался художник, ясно и мощно выделяются произведения, обращённые к библейским и евангельским сюжетам. Эта тема прошла через всю творческую жизнь известного мариниста, имея свои специфические проявления, реализуясь в маринистическом жанре и окрашиваясь романтическими чертами, свойственными его художественной натуре. Какие бы бури и штормы не изображал Айвазовский на своих холстах, его картины всегда заключают в себе надежду на спасение. В этом прочитывается искренняя, исполненная добра христианская душа самого художника.

Ключевые слова: Третьяковская галерея, выставка, мироздание, вселенная, хаос, творение Мира, романтизм, евангельские темы, библейские сюжеты, Христос, Ватикан, великолепие космоса.

Проходившая в Третьяковской галерее в 2016 г. большая персональная выставка произведений Ивана Константиновича Айвазовского позволила посмотреть на творчество знаменитого мариниста глазами людей, живущих в XXI столетии, несущих в себе опыт и знания предшествующих поколений и имеющих ныне право и возможность по-новому и по-своему прочитывать предшествующие художественные «тексты».

Слава Айвазовского-мариниста закрывала не только для простодушного зрителя, но и для исследователей-специалистов многие иные содержательные пласты и смыслы его безмерно большого наследия. Успех и признание таланта пришли к Айвазовскому очень рано, держались прочно, устойчиво и сопровождали его в течение всей жизни. Он имел полное право сказать в конце жизни, подводя итог своим трудам: «Счастье улыбнулось мне».

Но уже при жизни художника восприятие и оценка его трудов находили различные отклики и оценки критиков и зрителей, состоящие далеко не только из дифирамбов его таланту. Художник, историк искусства, художественный критик начала XX в. Александр Бенуа, суждениям которого мы привыкли доверять, иногда слишком откровенно в своей «Истории русской живописи в XIX веке» выносил свой приговор Айвазовскому: «Он разменял всё своё большое дарование и свою истинно художественную душу на продажный вздор. <...> Одно имя Айвазовского сейчас же вызывает воспоминание о какой-то безобразной массе совсем тождественных между собой, точно по трафарету писанных большущих, больших, средних и крошечных картин»¹. Бенуа предлагал устроить гигантское аутодафе из картин Айвазовского и тем самым оказать великую услугу его искусству, т. к. только после такой прочистки возможно оценить, что же было действительно хорошего в его искусстве. Выставка в Третьяковской галерее дала такую возможность. Айвазовский предстал на ней не только в разнообразии морских стихий, но в бесконечной многогранности сюжетов и мотивов. Главное, что мы увидели не только «ремесло», переходящее в высокий живописный талант, но художника серьёзно думающего и глубоко чувствующего, а его творчество предстало не однолинейно и плоско, но стало осязаемым в многомерности своих лучших произведений.

Среди многообразия тем и сюжетов, к которым обращался художник, ясно и мощно выделяются произведения, обращённые к библейским и евангельским сюжетам. Они не стали случайными в творчестве Айвазовского, но прошли через всю его жизнь.

Впервые евангельская тема возникла у юного ученика Императорской Академии художеств в 1834 г., только год прошёл с начала его учебы в Академии. Он обратился к одному из самых драматичных эпизодов из земной жизни Христа. По всей вероятности, это было академическое задание. Большой графический лист «Предательство Иуды» (ил. 1) (ГРМ) исполнен с

¹ Бенуа А. Н. История русской живописи в XIX в. М., 1995. С. 304.

полной ответственностью и серьёзностью перед этой темой. Сложность и драматизм сцены художнику помогли выразить уже практиковавшиеся им в живописных композициях романтические приёмы: луна, проглядывающая сквозь бегущие облака с неровными краями, волнующее воображение подвижное освещение фигур и пейзажа соответствуют внутреннему смыслу изображаемой сцены. На обратной стороне этого графического листа имеется старая наклейка с надписью рукой доброжелательного и умного покровителя Айвазовского Алексея Романовича Томилова: «Гайвазовского 1834 г., на другой годъ поступления его в Академію первый рисунок, что мне принес его композиціи». Надпись говорит о многом и важном. Главное о том, что Айвазовскому не стыдно было отдать в руки Томилова, уважаемого в Петербурге знатока живописи и коллекционера, обладателя, в частности, обширной коллекции гравюр Рембрандта, свою ученическую работу. Она стала началом, точкой отсчёта в той серьёзной череде работ Айвазовского, которые погружали его в грандиозные сферы мироздания.

Летом 1840 г. двадцатитрехлетний Айвазовский приехал в Италию с тем, чтобы, как и другие русские пенсионеры, знакомиться с итальянским и мировым классическим наследием. Потрясённый величием Рима, он в восхищении писал о творениях Рафаэля и Микеланджело, Колизее и соборах Петра и Павла: «Смотря на произведения гениев и громады, чувствуешь своё ничтожество! Здесь день стоит года», — признавался он в письмах в Петербург и говорил: «Я, как пчела, сосу мед из цветка»², молодой художник впитывал в себя каждое из впечатлений, дававших основу для творчества. Не удивительно поэтому, что уже в декабре 1840 г. Айвазовский на выставке в Риме показал картину, казалось бы, совершенно неожиданную для совсем юного художника. Он назвал её «Хаос. Сотворение мира» (ил. 2) (1840, Музей армянской конгрегации мхитаристов, Венеция). В зрительном образе олицетворяются слова из Книги Бытия: «Земля же была безвидна и пуста, и

² Иван Константинович Айвазовский и его художественная XLII-летняя деятельность: 1836–1878 // Русская старина. 1878. Т. 22. № 5–8. С. 426.

тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1, 2). Айвазовский писал картину с вдохновением и, кажется, сам в эти минуты властвовал над стихиями неба и воды. Картина вызвала бурные обсуждения в среде художников и в итальянской прессе. О русском художнике заговорили, его имя повторялось без конца и в связи с морскими пейзажами, захватившими воображение темпераментных итальянцев, и в связи с этой картиной. «С каким восторгом говорили мы это «нашего» в Риме, с какой гордостью смотрели мы на слово «Russo», написанное на карточке под его картинами»³ — свидетельствовал Федор Васильевич Чижов, русский промышленник, покровитель искусства, близкий Н. В. Гоголю и А. А. Иванову, семье Поленовых, тесно связанный с русской художественной культурой. Картина стала первой в ряду произведений, в которых Айвазовский стремился выразить своё понимание грандиозности Мира, Вселенной. Ему казалось недостаточным изображение лишь реальных природных стихий, мастера влекло к обобщениям и символическим формам. Возможно, что тема картины была подсказана Айвазовскому его старшим братом Габриэлом. Он был крупным учёным, ориенталистом, историком, педагогом, лингвистом и церковным деятелем, владел двенадцатью языками. Старший брат получил основательное религиозно-гуманитарное образование в монастыре мхитаристов на острове Св. Лазаря близ Венеции. Монастырь, существующий и ныне, является крупным религиозно-просветительским центром армянской культуры католического направления, основанным в 1717 г. монахом-католиком Мхитаром из Себастии (Турция). Габриэл является автором ряда исторических, религиозных и лингвистических трудов. По совету и настоянию младшего брата Габриэл в 1847 г. покинул монастырь мхитаристов, переехал сначала в Париж, где продолжал учёные занятия, в 1857 г. вернулся в Россию и связал свою судьбу с традиционной армяно-григорианской церковью. До конца жизни занимался просветительской и научной деятельностью. Между

³ Айвазовский. Документы и материалы. Ереван, 1967. С. 59.

братьями существовала глубокая духовная близость. Каждый из них принимал участие в судьбе другого.

Но вернёмся к картине. Из итальянской прессы, много и восторженно писавшей о картине русского художника, о ней узнал Папа Григорий XVI и пожелал приобрести её для Ватикана. Айвазовский предпочел подарить картину библиотеке Ватикана, за этот жест он получил благодарность и золотую медаль от Папы. Н. В. Гоголь произнёс слова, записанные современниками: «Пришёл ты, маленький человек, с берегов далёкой Невы в Рим, и сразу поднял «Хаос» в Ватикане»⁴. Ныне картина находится в музее монастыря мхитаристов на острове Св. Лазаря, куда она была передана из библиотеки Ватикана в 1905 г.

Вновь Айвазовский вернулся к этой теме в 1864 г., создав картину «Сотворение мира» (ил. 3) (ГРМ). Увлечённый работой, он не отходил от холста девять часов, пока не завершил картину. Он и сам, как демиург, творец, создавал на холсте Миры, ему в эти часы творчества подвластны были стихии воды, огня, неба. Картины Айвазовского исполнены живой эмоциональностью. Они далеки от рационального, исчисленного разумом, постижения космоса. Эти картины пишет художник-романтик, и они создаются по своим законам. И в первой картине «Хаос», и в этой, исполненной через три десятилетия, Айвазовским, несомненно, владело представление о выражении идеальной красоты Божественного творения Мира, которую невозможно облекать в прозаическую форму, говорить о нём, по словам самого художника, «площадным образом»⁵. Сюжеты этих произведений, естественно, отстранены от реальности впечатлений и построены на романтически-чувственной основе, что диктует создание художественно-возвышенного образа. Спустя два с лишним десятилетия Айвазовский вновь возвращается к той же теме, вновь пишет большой холст

4 Кузьмин Н. Н. Воспоминания об Айвазовском. СПб., 1901. С. 27–28.

5 Гейман В. Иван Константинович Айвазовский // Известия Таврической учёной архивной комиссии. 1918. № 55. С. 196.

«Сотворение мира» (1889, Феодосийская картинная галерея им. И. К. Айвазовского. Далее ФКГА). В 1894 г. он работает над большим холстом «Миротворение» (местонахождение неизвестно). Увлечённый масштабностью владевшей им темы, художник называл картины по-разному — от «Хаоса» до «Мироздание. Вселенная» — в самих вариациях названий стремясь выразить грандиозность волновавшей его тайны возникновения Вселенной.

Вслед за «Сотворением мира» в 1864 г. Айвазовский пишет, как бы продолжение последующих событий из книги Бытия, большое полотно «Всемирный потоп» (ил. 4) (1864, ГРМ). Картина написана на одну из самых трагических страниц легендарной истории человечества, изложенной в Книге Бытия в нескольких строках: «Я наведу на землю потоп водный, чтоб истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни» (Быт. 6, 17–18). Грандиозная катастрофа происходит на Земле: рушатся горы, воды поглощают всё живое, обречённое гибели. Лишь на дальнем плане виден Ноев ковчег — единственная надежда на спасение избранных. В те же годы, когда художник писал свою картину, Гюстав Доре создавал свои эффектно-романтические гравюры для иллюстрации Библии (1862–1864). Так же, как у Айвазовского, Доре в технике гравюры изображает сплетение тел, обречённость на гибель и свойственное романтикам противостояние человека и безжалостной стихии. В письме князю Д. И. Долгорукову — дипломату, сенатору, поэту, знатоку живописи, в ноябре 1862 г. Айвазовский сообщал: «Я в восторге в настоящее время от своей картины “Всемирный потоп”. Я её почти оканчиваю, и она, смело могу сказать, есть лучшее мое произведение»⁶. Картину приобрёл у художника император Александр II для императорского Эрмитажа.

С середины 1860-х гг. Айвазовский всё чаще обращается к евангельским темам. Интересующие его библейские сюжеты всегда сопряжены с

⁶ Письмо Айвазовского, написанное в 1862 г., свидетельствует, что художник, начав работу над холстом, отложил её на некоторое время, закончив и подписав картину 1864 г. (Айвазовский. Документы и материалы. С. 135).

драматическими, но вместе с тем и полными надежды моментами зари человеческой истории. Его картины «Сошествие Ноя с горы Арарат» (1889, НГА, Ереван) или «Переход евреев через Чермное море» (1891, частное собрание) значимостью темы, масштабностью размеров, драматизмом действия сближаются с историческими полотнами. Айвазовский подобными произведениями, особенно в зрелый период творческой жизни, выходит далеко за пределы только морской тематики. Среди евангельских сюжетов наиболее повторяемый — «Хождение по водам» (ил. 5) (1897, ФКГА). Евангельская притча повествует не только о всепобеждающей вере, но о возможности человека выстоять в бедствиях, иметь в душе уверенность на спасение в самых жестоких житейских или природных катаклизмах. Сюжет привлекал художника возможностью воспроизвести в фигуре Христа концентрирующую силу света, выразить в фигуре Учителя евангельское понимание, что Христос есть «Свет от Света». Кроме того, происходящее событие на Галилейском море давало художнику возможность изображать свою любимую стихию. Подобные холсты писались Айвазовским для армянских храмов Феодосии. Многие из них ныне находятся в Феодосийской картинной галерее им. И. К. Айвазовского. В середине—конце XIX столетия в Феодосии работало 27 армянских церквей. Этот город был одним из центров армянской диаспоры. Художник жертвовал на содержание и реставрацию храмов немалые деньги. В одном из самых древних храмов Феодосии Суб-Саркиз (Св. Сергей) был крещён Айвазовский и погребен в 1900 г.

К символике образа, сближающего реальное, современное художнику событие с притчами Айвазовский подходит в картине о погибшем в Балтийском море корабле «Лефорт» (ил. 6) («Гибель корабля “Лефорт”»). 1858, Центральный военно-морской музей, СПб). В сентябре 1857 г. при переходе из Ревеля в Кронштадт большой 80-пушечный корабль попал в бурю, получил пробоину и затонул в течение нескольких минут. Погибло 843 человека. Вплоть до крушения парома «Эстония» в 1994 г. это была самая страшная трагедия на Балтике. Количество погибших потрясло всю Россию. Откликаясь

на трагедию, Айвазовский без специального заказа пишет эту аллегорическую картину в память погибшего корабля «Лефорт». Души праведников поднимаются к Спасителю, грешники гибнут на дне морском. Есть в этом изображении наивность, но и большая искренность художника. Фигура Христа, излучающая свет, несёт надежду на спасение в ином, неземном мире. Символический смысл Айвазовский вкладывает и в картину «Данте указывает художнику на необыкновенные облака» (1883, НКГА). Великий поэт Данте, мыслитель, богослов и рядом с ним художник, который словно постигает с его помощью величие и красоту Мира.

Вечные сюжеты из Библии и Евангелия, к которым обращался Айвазовский, дают иное измерение и смысловое наполнение произведениям, не связанным напрямую с евангельской сюжетикой. Античных поэтов на «Учительской скале» на острове Хиос Гомер учил не только мастерству стихосложения, но и постижению тайн мироздания («Античные поэты на морском берегу в лунную ночь», 1886, частное собрание). Овеянное древностью предание, соединяясь с поэзией ночного пейзажа, погружает в легендарную вечность ушедших эпох. По словам исследователя эпохи романтизма В. С. Турчина: «Ночь, согласно романтическому взгляду, давала приобщение мира реального к миру высшему, таинственному. Она скрадывала границу миров. Ночь была интимна и трагична»⁷.

Произведения, посвящённые художником непостижимым тайнам творения Мира, неразрывно соединяются с эпической силой, стихийной и мощной жизнью моря, которое не просто беззаветно любил Айвазовский, но уподоблял морскую стихию метафоре бытия природы и человека.

Его картину «Волна» (ил. 7) (1889, ГРМ) можно рассматривать как вечное движение и борение жизни стихий и человека. Одно из самых значимых произведений Айвазовского — «Чёрное море» (ил. 8) (1881, ГТГ). Критики, упрекавшие мариниста в излишней салонности, увидели совершенно нового Айвазовского, оставившего броскую эффектность цветовых созвучий

⁷ Турчин В. С. Эпоха романтизма в России. М., 1981. С. 432.

в пользу большей естественности. На холсте воссоздан могучий образ моря, готового в любое мгновение разрешиться таящейся в нём бурей. Художник и проницательный критик И. Н. Крамской выделял это произведение из всего, созданного Айвазовским, признавая глубину метафизического постижения природы в картине: «На ней ничего нет, кроме неба и воды, но вода — это океан беспредельный, не бурный, но колыхающийся, суровый, бесконечный, а небо, если возможно, ещё бесконечнее»⁸. Айвазовский на этом полотне словно обобщает свои представления о беспредельности Мироздания. «Дух Божий, носящийся над бездною» — произнёс Крамской библейские слова, стоя у этой картины. «Это одна из самых грандиозных картин, какие я только знаю», — подвел итог своих размышлений об этом произведении Крамской⁹.

Критически оценивая наследие Айвазовского Александр Бенуа, тем не менее, вынужден был отдать маринисту должное: «Никто из художников в России не находился на такой высоте, чтобы заинтересоваться трагедией мироздания, мощью и красотой стихийных явлений. Лишь один Айвазовский зажигался <...> вдохновенным восторгом от великолепия космоса, являвшегося для (него) живым, органическим и даже разумным и страстным существом»¹⁰.

В произведениях, не связанных напрямую с религиозной темой, тем не менее присутствует важный для Айвазовского второй, внутренний слой, быть может не лежащий на поверхности, но неизбежно придающий маринистическому повествованию более глубокий смысл и серьёзное прочтение. В сюжетном строе картины «Радуга» (ил. 9) (1873, ГТГ) (другое её название «Восход солнца на Чёрном море») — изображение, рождающейся на наших глазах радуги, выражает аллегорическое знамение, близкое по смыслу ветхозаветным строкам: «когда Я наведу облако на землю, явится радуга [Моя] в облаке <...> и не будет более вода потопом на истребление всякой

⁸ Иван Николаевич Крамской: его жизнь, переписка и художественно-критические статьи: 1837–1887. СПб., 1888. С. 681–682.

⁹ Там же.

¹⁰ Бенуа А. Н. История русской живописи в XIX в. С. 306.

плоти» (Быт. 9, 14–15). Эти слова возвещают спасение рода людского также, как и первый луч солнца символизирует надежду, забрезжившую перед моряками, терпящими кораблекрушение.

Какие бы бури и штормы не изображал Айвазовский на своих холстах, его картины всегда заключают в себе надежду на спасение. В этом прочитывается искренняя, исполненная добра христианская душа самого художника.

Источники

Айвазовский. Документы и материалы / ред. З. Г. Башинджагяна; сост. М. С. Саргсян, Г. Г. Арутюнян, Г. М. Шатирян. Ереван: Айастан, 1967.

Литература

Бенуа А. Н. История русской живописи в XIX веке. М.: Республика, 1995.

Гейман В. А. Иван Константинович Айвазовский: к 100-летию со дня рождения // Известия Таврической учёной архивной комиссии / ред. А. И. Маркевич. 1918. № 55. С. 306–315.

Иван Константинович Айвазовский и его художественная XLII-летняя деятельность: 1836–1878 // Русская старина. 1878. Т. 22. № 5–8. С. 423–444.

Иван Николаевич Крамской: его жизнь, переписка и художественно-критические статьи: 1837–1887. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1888.

Кузьмин Н. Н. Воспоминания об Айвазовском. СПб.: типолит. В. В. Комарова, 1901.

Турчин В. С. Эпоха романтизма в России. М.: Искусство, 1981.

Biblical and Evangelical Topics in the Art of I. K. Aivazovsky

Galina S. Churak

Chief researcher of the Department of Paintings of
the second half of the XIX — early XX centuries at the State Tretyakov Gallery
Honorary Cultural Professional of the Russian Federation
Учреждение, адрес
ChurakGS@tretyakov.ru

For citation: *Churak, Galina S.* “Biblical and Evangelical Topics in the Art of I. K. Aivazovsky”. *Church Art and Archeology Review*, № 3 (4), 2020, pp. 000 (in Russian). DOI:

Abstract: The article is devoted to the little-studied side of Aivazovsky's work. The glory of Aivazovsky as a marine painter hid many other meaningful sides of his immensely great heritage not only from innocent viewers, but also from professional art historians. Among the variety of themes and subjects touched by the artist, works that are addressed to biblical and evangelical subjects stand out clearly and powerfully. This theme went through the entire creative life of the famous marine painter, having its own specific manifestations, being realized in the marine genre and colored with romantic features inherent in his artistic nature. Whatever storms Aivazovsky depicts on his canvases, his paintings always manifest the hope of salvation. In this one can read the sincere, good-natured Christian soul of the artist himself.

Keywords: Tretyakov Gallery, exhibition, Universe, chaos, creation of the World, romanticism, Evangelical and Biblical topics, Christ, Vatican, magnificence of the Cosmos.

References

- Bashindzhagyana Z. G. et al. (eds.) (1967) *Ajvazovskij. Dokumenty i materialy* [*Aivazovsky. Documents and Materials*]. Erevan: Ajastan (in Russian).
- Benua A. N. (1995) *Istoriya russkoj zhivopisi v XIX v.* [*The History of Russian Painting in the XIX Century*]. Moscow: Respublika (in Russian).
- Turchin V. S. (1981) *Epoha romantizma v Rossii* [*The Epoch of Romanticism in Russia*]. Moscow: Iskusstvo (in Russian).